

После той ночи в Обители в Сердце Озера кошачье мяуканье больше не раздавалось. Окна теперь почти всегда держали плотно затворенными.

Цинь Шо не стал рассказывать об этом младшему брату Баю, который регулярно приносил ему снадобья. Вытащив из стены кинжал, он убрал его к складному вееру — во всём этом следовало детально разобраться, но лишь после того, как окончательно затянутся раны.

Благодаря заботе старейшины Сюня шрамы затягивались стремительно: не прошло и пяти дней, как Цинь Шо уже пробовал пробудить духовные силы в даньтяне. Вот только память упорно молчала. В голове по-прежнему не было ничего, кроме обрывков фраз из навязчивых снов да внезапного, то и дело возникающего звона колокольчика.

За полмесяца до начала Собрания бессмертных Цинь Шо наконец полностью поправился. Стоило вести об этом разлететься по ордену, как в его уединённую обитель повалили гости. Братья по ордену так и лучились радушием — порой даже чрезмерным. Цинь Шо казалось, будто их забота отдаёт неискренностью, но он списывал это на собственную мнительность.

Навещали его в основном внутренние ученики — юноши лет восемнадцати-девятнадцати. В Обители в Сердце Озера то и дело стоял гомон, разбавляя привычную тишину весёлой суетой. Стоя перед Цинь Шо, юнцы наперебой лезли вперёд, подобострастно величая его старшим братом и из кожи вон лезли, чтобы запомниться.

Один из них, любитель жёлтых одеяний, выделялся особенно сильно. Каждый раз он упрямо пробивался в первые ряды и с приторной улыбкой спрашивал:

— Старший брат, когда же ты снова начнёшь учить меня искусству меча?

Такие послушные юноши Цинь Шо нравились. В хорошем расположении духа он охотно им потакал и соглашался на любые просьбы. Кто бы ни заходил справиться о его здоровье, он терпеливо беседовал с каждым. Постепенно он начал думать, что слова Бай Юя чистая правда: должно быть, до беспамятства он и впрямь купался во всеобщем обожании, просто напрочь об этом забыл.

Окружённый толпой младших братьев, он беззаботно смеялся: кто-то предупредительно массировал ему плечи, кто-то доверчиво ластился, ловя каждое слово; одни нагло льстили, другие увлечённо пересказывали истории из его забытого прошлого. Картина складывалась идеальная.

Однако стоило ему на короткое время отлучиться, как слащавая идиллия дала глубокую трещину.

Гостей собралось много, чайник быстро опустел, и Цинь Шо, усадив соучеников поудобнее, сам отправился за свежим кипятком. Но едва за ним закрылась дверь, как на лицах младших братьев, только что клявшихся пить чай до упаду, не осталось и следа от недавнего

дружелюбия. Возвращаясь обратно, Цинь Шо решил не шуметь и скрыл своё присутствие с помощью капли духовных сил. Но у самого порога он замер, услышав доносившиеся из комнаты поразительные речи.

— Какая мерзость! Я так перед ним распинаясь, а очки благосклонности поднялись всего на несчастные пять!

— Да тебе ещё радоваться надо. Я рот до ушей драл, а заработал только три очка.

— Если так пойдёт и дальше, мы их до Собрания бессмертных вовек не наберем...

Раздался звонкий щелчок — пальцы Цинь Шо дрогнули, и фарфоровая пиала выскользнула из рук, разлетевшись по камням.

Голоса в комнате мгновенно смолкли. Цинь Шо даже не успел присесть, чтобы собрать осколки и сочинить предлог для своего подслушивания, как дверь распахнулась. На пороге стоял давешний юноша в жёлтом. На его лице сияла всё та же безупречная улыбка.

Он услужливо перехватил поднос с чайником:

— Старший брат, что же ты стоишь на пороге? Проходи скорее, на улице сегодня невыносимое пекло.

С трудом выдавив ответную улыбку, Цинь Шо попытался осмыслить услышанное. Очки благосклонности? Шкала? Что это за диковинные слова? Однако, переступив порог, он не заметил на лицах соучеников ни малейшего смущения — они улыбались точно так же, как и до его ухода. Не успел он вымолвить и слова, как один из юношей шутливо прищурился:

— Старший брат, а как давно ты там стоишь? Уж не подслушивал ли ты нас?

Окружающие разом уставились на него. От этих пристальных, липких взглядов у Цинь Шо поползли мурашки по спине. Он невольно попятился, но плечо тут же перехватила крепкая рука соученика в жёлтом.

— Куда же ты, старший брат? — вкрадчиво проговорил тот. — Чай ведь ещё даже не разлили.

Испытывая глухую тревогу, Цинь Шо предпочёл сказать полуправду:

— Да вот, услышал, как вы упомянули Собрание бессмертных. Старейшины уже утвердили списки участников?

Поняв, что он расслышал лишь обрывок фразы, присутствующие заметно расслабились. Напряжение испарилось, уступив место привычному дружелюбию.

— А, так ты об этом! — рассмеялся один из них. — Если хочешь участвовать, старший брат, только скажи — мы сами попросим за тебя Шицзуня.

— Не стоит, — покачал головой Цинь Шо. Мысль о Собрании вызывала у него смутное отторжение, интуиция подсказывала не лезть в это пекло. — Раны едва затянулись, так что не стану забирать у вас места.

Стоило этим словам слететь с его губ, как лица соучеников мгновенно окаменели, а во взглядах вспыхнула недоброжелательность.

— Как это — ты не хочешь идти? — прищурился один.

Другой добавил с нескрываемым упрёком, точно обвиняя его в предательстве:

— Мы тут из кожи вон лезли, чтобы поскорее тебя выходить, а ты теперь заявляешь, что умываешь руки?

Такой резкий выпад ошарашил Цинь Шо. Он попытался оправдаться, но его грубо оборвали:

— Старший брат, нельзя же быть настолько эгоистом! Ты получил от нас всё, что мог, а теперь отказываешься платить по счетам?

— Да я ведь... — Цинь Шо хотел возразить, что понятия не имеет, о каком «долге» идёт речь, но не успел.

Дверь за его спиной с грохотом захлопнулась, погрузив комнату в полумрак. Тени присутствующих на полу начали удлиняться, расплываясь в его сторону, пока сами юноши медленно сжимали кольцо вокруг него.

— Старший брат, почему ты вечно своевольничаешь? — раздался вкрадчивый голос. — Или ты думаешь, что мы желаем тебе зла?

Десятки рук потянулись к нему, словно невидимые путы. От этого зрелища у Цинь Шо зашевелились волосы на затылке. Его окружили плотным кольцом, лишая малейшей возможности отступить. Куда бы он ни повернулся, он наткался на тяжёлые, испытывающие взгляды, заставлявшие его сжиматься изнутри.

— Что же ты молчишь, старший брат? Неужели обиделся на нас?

Не прошло и пары вдохов, как удушливая атмосфера вновь переменилась. Соученик в жёлтом, только что давивший ему на плечи, весело рассмеялся и панибратски приобнял Цинь Шо за шею:

— Да ладно тебе, мы же просто шутим! Разумеется, участвовать или нет — дело только твоего выбора, старший брат.

— Вот именно! Разве мы станем на тебя давить? — подхватил другой и, желая разрядить обстановку, шутливо оттолкнул соседа, стоявшего слишком близко к Цинь Шо. — Эй, ты чего пристал? Смотри, ты же его сейчас задушишь!

— Да ты сам его лапал, а на меня валишь!

— Ну всё, прекратите балаган. Мы и так редко выбираемся к старшему брату, дайте ему отдохнуть.

Подобные мгновенные перемены в их поведении случались уже не раз и не два с тех пор, как Цинь Шо лишился памяти. Всякий раз у него от этого холодело внутри, но стоило соученикам вновь начать беспечно шутить, как он невольно задавался вопросом: а не мерещится ли ему вся эта жуть?

Но едва он перевёл дыхание, как юноша в жёлтом вкрадчиво заметил:

— Кстати, о списках участников... Глава ордена, кажется, хочет выставить кандидатуру старшего брата Бая. Вот только бедняга все последние дни провёл у твоей постели, забросив тренировки. С его-то старыми ранами... Кто знает, переживёт ли он хотя бы первый тур испытаний.

Упоминание имени Бай Юя заставило остальных притихнуть. Юноши скорбно вздыхали, и в их голосах зазвучал затаённый упрёк:

— Если бы младший брат Бай в своё время не пострадал, добывая редкие травы для нашего старшего брата, его правая рука сейчас была бы цела. Теперь он не может даже держать меч... Но защитить честь ордена, кроме Цинь Шо, больше никому.

— Младший соученик такой добрый и чистый. Если бы не козни старшего брата, его мастерство уже достигло бы небывалых высот. Не пришлось бы сейчас искать ему замену.

— После того ранения младший брат Бай только и делал, что натянуто улыбался, стараясь никого не расстраивать. Даже представить страшно, каково это — осознать, что твоя правая рука больше никогда не сожмёт рукоять меча...

— Лес Безумных Зверей — место гиблое. Как выживет там заклинатель, лишившийся оружия?

Вот если бы вместо него вызвался старший брат...

Почувяв, куда дует ветер, Цинь Шо осторожно спросил:

— Вы хотите, чтобы я пошёл на Собрание вместо него?

Собратья промолчали, лишь переглянувшись. Ответил за всех юноша в жёлтом:

— Старший брат, не думай о нас дурно. Мы ведь желаем тебе только добра и просто считаем тебя лучшим защитником для него. Бай Юй слишком благороден и ни за что не попросит о таком сам. Да, ты тоже едва оправился от ран, но ты куда сильнее и выносливее его. Даже если получишь пару царапин — пустяки! К тому же тебя поддерживает сам глава ордена, так что в случае опасности ты легко избежишь беды. Да и долгов за тобой перед младшим братом накопилось немало. Разве не пришло время платить по счетам? Иначе... чем ты лучше последнего предателя? Не так ли?

Эти слова прижали Цинь Шо к стене. Сказать «да» — значило ввязаться в сомнительную авантюру, ведь чутьё настойчиво твердило, что его водят за нос. Ответить «нет» — обречь себя на клеймо неблагодарного и эгоистичного подлеца, коим он, если верить слухам, и являлся до амнезии.

Он молчал, судорожно пытаясь подобрать слова для отказа. Заметив его нерешительность, соученик в жёлтом нахмурился ещё сильнее и подлил масла в огонь:

— Неужто наш великий старший брат остался прежним? Снова будешь безучастно смотреть, как страдает младший соученик, и пальцем не пошевелишь ради его спасения?

Лица присутствующих исказились неприкрытым презрением. Сердце Цинь Шо пропустило удар. Он открыл было рот, но его тут же перебил чей-то ехидный голос:

— Так я и знал! Каким мерзавцем был до беспамятства, таким и остался. Люди ведь так быстро не меняются...

Высказавшись, говоривший испуганно прикусил язык. Спутники тут же заслонили его своими спинами, торопливо разыгрывая доброжелательность, хотя их слова по-прежнему звучали как скоординированное давление:

— Старший брат, не сердись на него, он сморозил глупость не подумав. Мы ведь исключительно о твоём благополучии печёмся. Ты всё-таки подумай хорошенько о том, чтобы пойти на Собрание вместо младшего брата Бая.

— Да, старший брат, не оставляй его в беде.

Они вновь придвинулись вплотную, отрезая ему любые пути к отступлению. Со всех сторон на Цинь Шо посыпался град настойчивых, вытягивающих душу упрёков:

— Старший брат, отринь свой эгоизм.

— Бай Юй так чист душой, неужели твоё сердце не сожмётся от жалости к нему?

— Старший брат, он лишился всего из-за тебя!

— Нам что, на колени перед тобой встать?

— Старший брат!

— Старший брат...

Накатившая духота сдавила грудь, не позволяя вздохнуть. Голоса слились в один сплошной, сводящий с ума гул. Сердце Цинь Шо испуганно колотилось, готовое вот-вот выпрыгнуть из груди. Он чувствовал себя диким зверем, запертым в тесной клетке на потеху праздной толпе: метался из стороны в сторону, но всякий раз упирался в живую стену.

В мгновение, когда его рассудок уже готов был сдаться под этим натиском, воздух снаружи со свистом рассекла мощная волна духовной энергии меча. Дверь с грохотом разлетелась на щепки, и в комнату хлынул ослепительный солнечный свет.

В проёме показался силуэт, и гомон мгновенно стих. Настырные соученики в панике отпрянули назад и, точно напуганные перепёлки, вжали головы в плечи, спешно склоняясь в глубоком поклоне:

— Приветствуем Почтенного Суна.

Бессмертный Меч Чанцзюэ, Сун Ваньчэнь, отсутствовавший в обители множество дней, стоял на пороге. Его статная фигура казалась высеченной из камня, а безупречно красивое, точно выточенное из холодного нефрита лицо не выражало никаких эмоций. Он окинул присутствующих ледяным взглядом. Голос его, негромкий, но преисполненный неоспоримой власти, эхом разнёсся под сводами дома:

— Что здесь происходит?

Выдержав паузу, он добавил ещё холоднее:

— Или законы Безжалостной обители теперь поощряют неуважение к старшим соученикам?

<http://bllate.org/book/20094/1998477>